

Добровольческая деятельность как мировоззрение

Аарон Лангерман, консультант по вопросам кадрового развития, член правления Совета по защите детей, председатель Фонда опеки, Хэсэд

Некоторые из вопросов, связанных с фундаментальной концепцией добровольческой деятельности, следует рассматривать в качестве гражданского долга, в то время как другие представляют собой тему для обсуждения и изучения. На страницах этой статьи мы постараемся представить их в контексте еврейской мысли.

Основная идея добровольческой деятельности заключается в долге, который человек ощущает по отношению к своему ближнему, к общине и к обществу, в котором он живет. Таким образом, индивидуум принимает на себя ответственность за происходящее в обществе и активно участвует в его жизни. Подобный подход требует от человека сознательности и готовности действовать, а также проявления инициативы. При этом основную роль играют собственно дела человека (как малые, так и значительные).

При обсуждении потребности в добровольческой деятельности обычно принято говорить о ее практических результатах и приносимой ей пользе:

1. Удовлетворение потребности людей в помощи.
2. Добровольческая деятельность нередко позволяет удовлетворить имеющиеся потребности в тех случаях, когда ощущается нехватка средств и кадров государственных учреждений.
3. Добровольческая деятельность позволяет людям заполнить свободные часы и развеять ощущение одиночества. Она также наполняет их жизнь смыслом и предоставляет им возможность почувствовать себя нужными и востребованными людьми.
4. В некоторых ситуациях работа добровольца может принести больше пользы, чем деятельность платного сотрудника, так как доброволец способен легче и быстрее установить требуемые личные контакты со своим подопечным.
5. В ряде случаев работа добровольцев в особенности отвечает нуждам и потребностям людей, так как она не связана формальными бюрократическими требованиями и правилами.
6. Добровольческая деятельность может представлять собой связующее звено между различными группами и слоями населения и тем самым способствовать преодолению отчужденности между ними.

Не преуменьшая значения приведенных выше причин практического характера, все же следует остановиться на более существенных и принципиальных вещах, которые касаются морального долга индивидуума по отношению к своему ближнему, в отсутствие какой-либо практической пользы или выгоды для него. Проиллюстрируем эту идею при помощи небольшого рассказа о великом мудреце и праведнике, который, сидя за столом, обсуждал со своими учениками законы Торы и принципы этики. Внезапно входная дверь распахнулась, и в комнату с криком о помощи вбежал человек, по внешнему виду которого можно было судить о его бедности и о нужде, в которой он пребывал. Мудрец сразу же открыл один из ящиков стола, в котором хранились деньги, предназначенные для цдакки, и дал бедняку большую серебряную монету. Тот взял ее, поблагодарил мудреца и направился к двери. Однако, не успел он открыть ее, как мудрец снова попросил его подойти к столу, открыл ящик, дал ему еще одну серебряную монету и распрощался с ним. Когда бедняк вышел из дома, ученики попросили мудреца объяснить им, почему он решил разделить свой дар на две части. Если он с самого начала хотел дать ему две монеты, то почему он не сделал это сразу, а если он полагал, что тому хватит и одной монеты, то почему он все же решил удвоить сумму? Мудрец так ответил им: «Когда бедняк вошел в комнату, и я увидел, как велика его нужда и страдания, то я открыл ящик и дал ему монету, не раздумывая, лишь под воздействием желания помочь ему и чувства моего долга по отношению к нему. Когда же он направился к выходу, то я вспомнил, что мне следует выполнить заповедь о цдакке, и дал ему вторую монету».

Согласно данной концепции, следует четко различать между внутренним долгом человека, который воспитывался в нем на протяжении всей его жизни и проявляется автоматическим, спонтанным образом, и исполнением заповеди, которое обладает не меньшим значением, но является результатом религиозно-этического предписания. Общим для двух этих видов обязанности является тот факт, что человеку не следует ограничиваться словами и что цдакку должен оказывать сам человек, а не какая-либо организация или посланец.

Ответственность, которую несет каждый человек за происходящее в обществе, можно проиллюстрировать при помощи следующего отрывка из Торы:

«И если найден будет убитый на земле, которую Бог, Всесильный твой, дает тебе во владение, лежащий в поле, и неизвестно, кто убил его, то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои, и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого. И город, который окажется ближайшим к убитому, пусть старейшины этого города возьмут телицу, которой еще не работали,

которая еще не тянула ярма, и пусть отведут старейшины этого города телицу в долину скалистую, которая не обрабатывается и не засеивается, и проломают там затылок телице, в долине. И подойдет козны, сыны Леви, - ибо их избрал Бог, Всесильный твой, чтобы служили они Ему и благословляли именем Бога, по слову их решается любая тяжба и дело о любой язве, - и все старейшины этого города, ближайшего к убитому, пусть омоют руки свои над телицей с проломленным затылком в долине, и возгласят, и скажут: руки наши не проливали крови этой, и глаза наши не видели. Искупил народ свой, Израиль, который избавил Ты, Бог, и не допусти, чтобы пролилась кровь невинного в среде народа Твоего, Израиля! И прощена будет им кровь эта. Ты же искоренишь пролитие крови невинного из среды твоей, если будешь поступать так, как угодно Богу» (Дварим, 21:1-9).

Приведенная выше глава получила название «главы об обезглавленной телице». На первый взгляд, ее содержание является весьма странным. Если в поле обнаружен труп человека, и неизвестно, кто убил его, то, согласно Торе, следует измерить расстояние от места обнаружения тела, чтобы установить, какой город находится ближе всего к этому месту. Тора требует, чтобы жители этого города и в первую его старейшины поклялись, что они не имеют никакого отношения к совершенному преступлению и что их руки не проливали крови убитого. Более того, Тора требует от них провести особую церемонию, чтобы снять с себя малейшее подозрение в убийстве. С точки зрения логики, такое предписание выглядит весьма странным, так как, скорее всего, убийца захочет отвести от себя подозрения и захоронит тело своей жертвы как можно дальше от места своего проживания. Мудрецы Талмуда полагали, что тот участок земли, на котором было обнаружено тело, не следует обрабатывать вообще. Это означает, что со временем среди обработанных полей останется одно незасеянное место, своего рода «пятно», а значит, хотя старейшины города и поклялись, что «руки наши не проливали крови этой, и глаза наши не видели», их вина не исчезнет полностью, и на их совести навсегда останется это «пятно».

Содержащееся в этой главе понятие вины непосредственно связано с идеей об ответственности, которую несут за происходящее вокруг как индивидуум, так и общество в целом. Не может возникнуть положение, при котором среди нас найдут тело убитого или в нашей среде будет совершено преступление или несправедливость, и мы снимем с себя ответственность за происшедшее. Тора возлагает на нас эту ответственность и требует от нас задаться вопросом о том, каким образом мы позволили подобное деяние в нашей среде. Представляется, что идея личной ответственности человека за происходящее в обществе приводится в этой главе в наиболее заостренном виде. Можно без труда провести здесь аналогию с происходящим сегодня и

задаться вопросом о том, «чисты ли наши руки и видели ли наши глаза». В чем же проявляется наша ответственность за происходящее вокруг нас?

В нашей повседневной жизни она проявляется в нескольких сферах. Во-первых, каждый из нас обязан совершить какое-либо дополнительное доброе дело, помимо тех, которые он делает в рамках своей деятельности (даже в том случае, если вся эта деятельность направлена на помощь ближним и на пользу обществу и общине, причем он выполняет ее «от всей души», а не только «по обязанности»). В этом «дополнительном» добром деле проявится наш внутренний долг и та личная ответственность, которую мы принимаем на себя. Во-вторых, эту ответственность должен взять на себя каждый: сильные и слабые, обеспеченные и бедные, пожилые и молодые, мужчины и женщины, новые репатрианты и старожилы и т. д. Другими словами, в принципе, эта обязанность в одинаковой мере касается всех, в том числе и людей, которые сами испытывают нужду. Каждый человек может чем-то помочь своему ближнему, общине и обществу в целом, и каждый **обязан** оказать такую помощь.

Наиболее четкая формулировка этой идеи принадлежит РАМБАМу («Законы о дарах бедным», часть 6, галаха 5): «...и даже бедный, получающий цдакку на пропитание, обязан давать цдакку другому бедному...». Аналогичное требование мы встречаем в Гмаре (трактат «Гитин», лист 6, страница 2): «...сказал господин Зутра: даже бедный, получающий себе на пропитание из средств цдакки, должен оказывать цдакку». Один из комментаторов отмечает в этой связи, что речь здесь идет не о добровольном поступке «по желанию», а об обязанности. Таким образом, подход, содержащийся в данных высказываниях, отличается от традиционной концепции, в соответствии с которой лишь состоятельные люди должны помогать малоимущим. Бедняк также обязан давать цдакку, и даже если пожертвованная им сумма невелика, она все же считается цдаккой в полном смысле этого слова. Можно привести немало других примеров этого требования, однако ограничимся здесь лишь одним из них. В Торе упоминается заповедь о сборе половины шекеля, который предназначался для общественных нужд. В ту пору в центре внимания общины находилось отправление культа в Храме. Жертвование этой суммы было обязанностью, однако обязанностью особого рода, так как о нем сказано: «Богатый не преумножит, а бедный не преуменьшит» (то есть, каждый обязан пожертвовать одну и ту же сумму). Таким образом Тора стремится предотвратить ситуацию, при которой кто-либо сможет потребовать для себя каких-либо привилегий, так как он дал более значительную сумму. Вклад все людей в общественные дела одинаков.

Мне представляется, что приведенные здесь примеры указывают нам правильный путь во всем, что касается воспитания людей в духе добровольческой деятельности и их привлечения к оказанию помощи другим

людям. Не так давно стало известно, что группа женщин из одного из беднейших районов Тель-Авива регулярно посещает интернат для умственно отсталых людей. Эти женщины, которые всегда были подходящими кандидатами для оказания им помощи добровольцами, сами на добровольных началах помогают другим людям.

В заключение, я хотел бы остановиться на характере добровольческой деятельности и на чертах личности, присущих добровольцу. В этой связи возникает немало вопросов:

- Должна ли добровольческая деятельность в израильском обществе принять форму массового общественного движения, охватывающего все слои населения, находиться под общественным руководством и не иметь связи с государственными органами?
- Сложилась ли все необходимые условия для закладки «фундамента» такого массового движения, которое не позволит соответствующим государственным службам бездействовать?
- Что должен предпринять доброволец для достижения вышеупомянутой цели (и должен ли он вообще стремиться к ее достижению)?
- Должен ли доброволец непосредственно участвовать в процессе общественных перемен, вести общественный контроль за работой государственных служб и получать отзывы от их клиентов?
- Какова будет реакция общества и государства на то, что доброволец отказывается мириться с существующим положением, на его попытки изменить ситуацию (и привлечь других людей к работе по ее изменению)?
- Является ли единственной задачей добровольца оказание людям помощи в преодолении бюрократических препятствий? Или ему предстоит принять на себя выполнение дополнительной, гораздо более трудной задачи, а именно постараться изменить саму бюрократическую систему?

В заключение, я приведу слова одного из хасидских праведников, рабби Шломо из Карлина. «Сказал рабби Шломо: если захочешь ты вытянуть человека, утопающего в грязи, то не думай, что ты сможешь остаться в стороне от грязи, и достаточно будет лишь протянуть ему руку. Тебе самому следует спуститься вниз и погрузиться в грязь. Лишь тогда ты сможешь схватить его своими руками и вытянуть его и самого себя вверх, к свету».